

II. RECENZJE

DOI: 10.17951/et.2022.34.374

Алена Руденка

Институт славистики Польской Академии наук

ORCID: 0000-0002-1165-3299

e-mail: alena.rudenka@ispan.waw.pl

Региональная идентичность – пример исследования

Jadwiga Kozłowska-Doda, *Tożsamość, losy i język najstarszych mieszkańców okolic Dociszek na Białorusi (na podstawie badań terenowych z przełomu XX i XXI w.)*, Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2021, 536 s.

Объемная монография доктора филологии Ядвиги Козловской-Доды (кафедра славянского языкознания Университета Марии Кюри-Склодовской) посвящена всестороннему, в первую очередь лингвистическому описанию окрестностей деревни Дотишки Вороновского района в Беларуси. „Przedmiotem opracowania, – пишет автор, – jest polszczyzna najstarszych mieszkańców wsi w okolicach Dociszek na Białorusi, ujmowana jako składnik lokalnej kultury współcześnie oraz ... w przeszłości.” („Предметом исследования является польский язык старейших жителей деревень в окрестностях Дотишек в Беларуси, рассматриваемый как компонент местной культуры сегодня и в прошлом”. С. 37. Здесь и далее перевод наш – А. Р.).

С первых страниц книги бросается в глаза продуманность и тщательность текста. Во введении рассматриваются основные понятия и лингвистические термины; цель работы, методология и методы; приводится обширный и хорошо структурированный анализ литературы по теме исследования; даны сведения об информантах, сокращения и правила транскрибирования текстов.

Вступительная часть очень важна и показательна для всей книги. Особо следует отметить выбор и анализ терминов и научной литературы. Теоретическая платформа монографии – органический синтез белорусско-, русско- и польскоязычной традиции, из которых взяты самые сильные стороны. Особо это касается белорусских исследований в области языкового контакта –

работы Г. А. Цыхуна (Цыхун 2018) и др., и прославленной польской диалектологии – привлечен не только синхронный, но и исторический аспект обоих указанных направлений.

Трудно, однако, согласиться с формулировкой автором цели исследования: „Celem opracowania jest opis fleksji imiennej i werbalnej oraz wybranych zagadnień fonetyki i fonologii gwary polskiej w kontekście dialektologii opisowej, socjolingwistyki i teorii kontaktów językowych” („Целью исследования является описание именного и глагольного словоизменения, а также отдельных вопросов фонетики и фонологии польского диалекта в контексте описательной диалектологии, социолингвистики и теории языковых контактов”. С. 38). Такая формулировка представляется слишком узкой, об этом свидетельствуют названия разделов: „Z zagadnień tożsamości i świadomości językowej mieszkańców z okolic Dociшек” („К вопросам идентичности и языкового сознания жителей в районе Дотишек”); „Skąd się wzięli Polacy między Raduniem a Ejszyszkami” („Откуда взялись поляки между Радунью и Эйшишками”); „Losy lokalnej społeczności polskiej (XIX – początek XXI w.)” („Судьба местного польского населения (XIX – начало XXI века)”).

Этнолингвисту названные выше разделы книги наиболее интересны. В первом разделе „К вопросам идентичности и языкового сознания жителей в окрестностях Дотишек” есть подразделы о национально-социальной стратификации в языковой картине мира жителей избранного региона: „Naród a «nacja» – ludowa interpretacja struktury narodowościowej” („Народ и «нация» – народная интерпретация национального состава (населения)”); „Warstwy społeczne (stanowe): szlachta a muzyki” („Социальные (сословные) слои: шляхта и мужики”); „Szlachcic” („Шляхтич”); „Prosty człowiek” („Простолюдин”); „Ojczyzna w świetle wypowiedzi mieszkańców” („Родина в понимании местных жителей”). Старшие жители Вороновщины считают родиной Польшу, ориентируясь на предвоенный период, когда эти места входили в состав Польши, или называют себя „людьми без отчизны” (с. 88). „To nie oni granicę przekroczyli, tylko granica na tych terenach często się zmieniała niezależnie od ich woli” („Не они переходили границу, а граница в этих местах часто менялась независимо от их воли”), – пишет автор (с. 89). Молодые жители этих мест считают своей малой родиной Гродненщину, а понятие Родины связывают уже с Беларусью.

Названные выше подразделы книги пересекаются с темами, активно дискутируемыми в современных этно- и социолингвистических работах: становление этнической идентичности белорусов (Lewis 2019; Rudling 2017; Калита 2010; Плахій 2010 и мн. др.), исторически сложившееся превалирование локальной идентичности в белорусском национальном сознании (Галенчанка 2008; Саганович 2018 и др.).

Очень интересны, с этнолингвистической точки зрения, подразделы, посвященные этностереотипам в языковом сознании жителей окрестностей Дотишек: „Polak” (существует „Prosty Polak” и „Czysty Polak”), „Litwin”, „Białorusin”, „Żyd”, „Tatarzyn”, „Cygan”, „Rosjanin”. Бросается в глаза сходство представлений о разных этносах в местном диалекте польского языка и в белорусских народных сказках (об этом немало написано, см., например, монографию Ю. В. Чер-

нявской «Белорусы. От „тутэйшых” – к нации» (Чернявская 2010). Дialeкт польский, сказки белорусские, но общего много.

Евреи, как правило, живут в „мястэчке”, где имеют ремесла или торговлю (с. 81–82); русские (в рассматриваемом диалекте обозначаются именно лексемой *ruskie/ Ruskie*, не *Rosjanie*) – это „люди чаще или случайные, или „чужие” (с. 85). Отличительная черта белорусов в том, что они не говорят по-польски и, как правило, православные (с. 80).

В первом разделе наиболее „лингвистичны” подразделы, посвященные 1) определению языков и вариантов языков данного региона, 2) их восприятию местными жителями, а также 3) характеристике языкового контакта в этой местности и 4) диалекта (диалектов) польского языка.

Очень важны подразделы, посвященные характеристике языковых образований данного региона. Большинство из них перечислены в названиях параграфов к подразделу 1.8 „Konkurencyjność i wartościowanie języków wchodzących w kontakt” („Конкурентоспособность и оценка контактирующих языков”): 1.8.1 „Własny polski a gwarowy białoruski” („Своя, местная польская речь и белорусский говор”, 1.8.2 „Białoruska gwara: własna a inna” („Белорусский говор: местный и другой”), 1.8.3 „Białoruski i rosyjski język normatywny” („Белорусский и русский нормативный язык”), 1.8.4 „Własna polszczyzna a polskie dialekty etniczne / inne warianty regionalne” („Местная польская речь и этнические польские диалекты / другие региональные варианты”), 1.8.5 „Inne języki: litewski, jidysz” („Другие языки: литовский, идиш”).

Неотъемлемой частью исследования по избранной теме является развернутый ответ на вопрос „Откуда взялись поляки между Радунью и Эйшишками?”, представленный во втором разделе. Здесь дано резюме предшествующих исследований по этому вопросу (подраздел 2.6), этническая история жителей данной местности и нынешняя ситуация. Исторически данная территория была населена / белорусскоязычными и литовскоязычными жителями, об этом речь идет в подразделе 2.1 „Ludność autochtoniczna. Osadnictwo ludności pruskiej” („Коренные жители. Расселение прусского населения”).

При взгляде на карту (карта приведена в конце книги) становится понятным, что вопрос, вынесенный в название раздела, нетривиален. Территория, о которой идет речь, сегодня не граничит с Польшей непосредственно (см. название подраздела 2.4 „Czynniki rzutujące na prestiż polszczyzny w pasie przygranicznym z Litwą” – „Факторы, влияющие на престижность польского языка в пограничной зоне с Литвой”). Ответ дан в подразделе 2.2 „Samoczynna polonizacja ludności autochtonicznej i napływowej” („Добровольная полонизация коренного населения и переселенцев”): констатируется постепенная переориентация жителей на „польскость”, в том числе и языковую, вследствие главенствующего положения Польши в Речи Посполитой, „влияния костела”, т.е. католической церкви, и престижности польского языка. В подразделе 2.7 приводятся статистические данные по хронологическим срезам с самой ранней переписи 1897 года до начала XXI века. Устанавливается соотношение показателей по национальности, языку, вероисповеданию, что чрезвычайно интересно само по себе. В итоговом абзаце автор, со ссылкой на данные пере-

писи, пишет: „В 2009 году в Вороновском районе проживало 30 477 жителей. Национальный состав был следующим: поляков – 24 615, белорусов – 3963, русских – 919, литовцев – 434, украинцев – 173, цыган – 97, татар – 20, армян – 15, азербайджанцев – 4 и т.д. ... 2011: 118–119). Общее количество жителей сокращается...” (с. 145). В этих данных показательно подавляющее преобладание поляков и абсолютное отсутствие евреев.

Этносоциальная характеристика современной Вороновицы продолжена в разделе 3 „*Losy lokalnej społeczności polskiej (XIX – początek XXI w.)*” („Судьба местного польского населения (XIX – начало XXI в.)”). В подразделе 3.1 параграфы озаглавлены по 11 населенным пунктам региона: им дана общая характеристика и приведена история изучения. Показательно, что среди топонимов немало литуанизмов: *Ejszyszki, Gierwielańce, Januszyszki, Narkuny, Jurele* и др. Объемный подраздел 3.2 „*Losy historyczne regionu*” („Историческая судьба региона”) в соответствии с названием освещает основные вехи развития данной местности, причем последняя его часть посвящена языковой ситуации.

Разделы 4 – 6 „*Polszczyzna gwarowa mieszkańców okolic Dociszek. Uwagi o fonetyce i fonologii*” („Польский говор жителей окрестностей Дотишек. Заметки по фонетике и фонологии”), „*Polszczyzna gwarowa mieszkańców okolic Dociszek. Opis systemu fleksyjnego*” („Польский говор жителей окрестностей Дотишек. Описание словоизменительной системы”), „*Język polski okolic Dociszek wśród innych odmian polszczyzny północno-wschodniej*” („Польский язык окрестностей Дотишек среди других северо-восточных польских периферийных говоров”) – собственно лингвистические. Детально описана фонетико-фонологическая система диалекта, морфология, его место в системе пограничных северо-восточных говоров. Одна из ключевых идей контактологии состоит в том, что черты переходных говоров на границе распространения языков представляют собой континуум. Это безусловно относится к вороновскому говору, граничащему с зонами распространения польского, белорусского, литовского языков. Автор не отмечает отдельно черты этих языков ни в фонетической, ни в морфологической системах рассматриваемого говора. Создается впечатление, что она делает это сознательно, разделяя убеждение, что ни одна языковая черта не может быть однозначно соотнесена с тем или иным языком. Автор, особенно при описании словоизменения, указывает, какая черта выступает в польском нормативном языке, какая – в диалектах, а какая – общая с местным белорусским диалектом. Есть, безусловно черты, которые трудно соотнести с конкретной языковой системой или узусом, например, в случае контаминации. Очень показательный пример – глагольная флексия *-mo* в первом лице множественного числа презенса, которая считается безусловной украинской языковой чертой (укр. *даємо, продаємо, слуб[о]уємо, хочемо, познаменуємо*). По мнению Ядвиги Козловской-Доды, подтверждаемому собранным материалом, эта черта встречается и в описываемом вороновском говоре (с. 404), то есть говор может характеризоваться не только континуумными, но и островными чертами.

В монографии очень привлекательные и информативные приложения: ряд фотографий (с. 453–482), карты (с. 483–491), список сокращений, библиография.

Книга очень объемная – с моей точки зрения, каждому разделу не хватает сжатого обобщения.

Автор рецензируемой монографии Ядвига Козловская-Дода связана с этнолингвистикой на протяжении всей своей научной карьеры. В 1995 году она написала и защитила кандидатскую диссертацию „Рождение и смерть в обрядах, верованиях и обычаях поляков Вороновского района Гродненской области Беларуси” под руководством проф. Яна Адамовского и проф. Ежи Бартминьского. Степень доктора хабилитованого по языкознанию автор получила в 2017 году за серию текстов “Понятие ДОМ в современном белорусском языке” (авторская монография и пять статей). Данная книга „Tożsamość, losy i język najstarszych mieszkańców okolic Dociszek na Białorusi” относится к диалектологии и языковому контакту, но в первую очередь – к этнолингвистике. Ядвига Козловская-Дода написала о своей малой родине и аккумулировала в монографии все знания о ней, весь свой лингвистический опыт – и всю любовь к родным местам. Данная книга достойно преумножает наработки Люблинской этнолингвистики.

Библиография

- Lewis Simon, 2019, *Belarus – Alternative Visions: Nation, Memory and Cosmopolitanism*, New York & London.
- Rudling Per, 2017, «Unhappy Is the Person Who Has No Motherland»: National Ideology and History Writing in Lukashenka’s Belarus, [w:] Fedor Julie et al. (eds.), *War and Memory in Russia, Ukraine, and Belarus*, chapter 3, Cham, Switzerland, p. 71–105.
- Галенчанка Георгій, 2008, Да пытання аб этнічных і этнаканфесійных катэгорыях Вялікага Княства Літоўскага XIV–XVI стст.: «беларусцы», «ліцвіны» і «русiны» ў дыскурсах сучасных даследчыкаў і пісьмовых крыніцах. «*Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы», № 1, Минск, с. 9–19.
- Калита Инна, 2010, *Современная Беларусь: языки и национальная идентичность*, Ústí nad Labem.
- Плахій Сяргей, 2012, *Рускі Вавілон. Дамадэрныя ідэнтэчнасці ў Расіі, Украіне і Беларусі*, Вільня.
- Саганович Геннадий, 2018, О некоторых сложностях выявления коллективных идентичностей в славянских землях ВКЛ, [w:] *Нарративы Руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*, Москва, с. 103–125.
- Цыхун Генадзь, 2018, *Прастор мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбраныя працы*, Мінск.
- Чернявская Юлия, 2010, *Белорусы. От „тутэйшых” к нации*, Минск.